

ПРЕДИСЛОВИЯ К «ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Б.В. ЯКОВЕНКО

Предисловие к первому выпуску

От автора

Может быть, справедливо было бы озаглавить три выпуска, составляющих настоящую работу, менее претенциозным образом, назвав их «Очерком истории великой русской революции». Но я предпочитаю более ответственный заголовок, потому что в основе этих выпусков лежит большой шеститомный труд, предпринятый мною два с половиной года тому назад для итальянской печати. Мне удалось довести этот труд в таких размерах только до половины, ибо итальянскому издательству, побудившему меня к этой работе, оказалось не под силу «поднять», и, по его же предложению, я должен был удовольствоваться переизложением всего материала в рамках одного большого тома. Настоящее русское издание является переделкой и приспособленным сокращением этого тома; следовательно, основывается на том же материале и на той же его разработке; и потому, по-моему, заслуживает и более ответственного заголовка.

Так как настоящая работа рассчитана на широкую публику, и в этом смысле я не считаю ее научным трудом (хотя она и является результатом научного наследования), я воздерживаюсь от загромождения ее не только какими-либо историческими изысканиями, но и примечаниями, справками и библиографией. Что касается до источников, скажу только, что главным материалом при составлении настоящего выпуска мне послужили, конечно, наборы крупнейших русских политических газет и лучших толстых литературно-политических журналов за 1909 – 1917 гг. Был использован также и ряд книг и брошюр, либо прямо трактовавших с той или иной стороны об этой эпохе, либо для нее характерных. В общем, в моем распоряжении был большой материал, и сожалеть приходится лишь о том, что узкие рамки работы не позволили использовать его более обстоятельным и детальным образом.

Рим, июль 1922 года

Предисловие ко второму выпуску

«История не ищет законов и не образует понятий; не индуцирует и не дедуцирует, она предназначена *ad narrandum, non ad demonstrandum**; не строит она универсалий и абстракций, но постав-

---

* к повествованию, а не к доказательству (*лат.*)

ляет интуиции; *individuum omnimodo determinatum*** есть ее область, как является и областью искусства. Потому история подходит под общее понятие искусства»***1.

Однако, с другой стороны, в противоположность всем основным формам и сферам искусства, она пользуется почти исключительно при достижении этой своей задачи не красками, не звуками и даже не образами, а представлениями и понятиями. И в то время как другие произведения искусства претендуют только на объективность прекрасного, история мало думает об этой последней и претендует, главным образом, на объективность истинного. Она стремится интуировать и рассказать то, что было на самом деле. В этом смысле история подходит также под понятие науки. В конечном счете, она представляет собой, стало быть, некоторое промежуточное образование между искусством и наукой, между прекрасно-интуитивным и истинно-действительным. Это — художественная деятельность в научных целях и вместе с тем — научная деятельность в художественных целях. И, значит, это не настоящее искусство и не настоящая наука. Ибо художественность в ней нарушается рационализмом, генерализмом и объективизмом понятия, а научность искажается эмпиризмом, индивидуализмом и субъективизмом образа.

Про историю можно сказать прекрасно, перефразируя знаменитое утверждение Фихте² относительно философии и, конечно, с гораздо большим на то правом, «что за историю выберешь ты, это зависит от того, что ты за человек». Ибо во всякой истории, сколь бы ни был совершенен используемый ею научно-познавательный аппарат, всегда подоплека, база будет личная, индивидуальная, субъективная. Пусть передаваемый ею материал будет безукоризненно точен и достоверен: то, как она будет передаваться и излагаться, неизбежно будет запечатлено личностью трактующего, его основными оценками, вкусами и интуициями, его личным положением в мире и по отношению к миру.

Памятуя об этом и желая быть до конца искренним и перед собою и перед читателем, — в данном случае особенно перед ним, дабы дать ему возможность сразу же правильно ориентироваться в предлагаемой его вниманию истории великой русской революции — я считаю своим долгом наперед указать в общих чертах, в чем состоит мое субъективное отношение к излагаемым тут явлениям и событиям.

Прежде всего, я принадлежу к тому поколению русских людей, которое унаследовало дело подготовки революционного взрыва от двух предыдущих поколений и подобно им израсходовало свои лучшие интеллектуальные силы на это дело.

**¹ всецело определяемая индивидом (*лат.*)

***¹ Benedetto Croce. *Filosofia dello spirito I: Estetica* (*примеч. Б.В. Яковенко*).

В моих жилах течет кровь революционеров. Моя мать уже восемнадцатилетней девушкой под конвоем двух жандармов скакала денно и ночью тысячу верст в архангельскую ссылку по снежным бесплодным равнинам русского севера, при сорокаградусном морозе. Дух революционности вошел в меня с первых же дней моей сознательной жизни и сделался одним из основных элементов моей души — и если я потом практически непродолжительно и мало принимал участие в конкретной революционной работе, то духовно и теоретически я всегда жил идеей освобождения России от политического и социального гнета и протестом против всех форм сковывавшего ее самодержавного рабства. Мудрено ли, если зрелище разразившегося катаклизма будит во мне, рядом с чувством ужаса, горя и отвращения перед ее низменными, дикими и безнравственными проявлениями, также и чувство глубокого удовлетворения в виду достигнутого разрешения поставленной великой задачи, а также энтузиазм перед мощно открывающимися в силу этого беспредельными перспективами в будущем? Русская революция есть также и мое детище; и я не могу, в конечном счете, смотреть на нее иначе как любящими, верящими и прощающими глазами матери.

Во-вторых, и моя жизненная философия есть философия революционная, философия всесторонней и всеобъемлющей свободы. Свободная личность, творящая добро в рамках свободного общества, на базе свободного труда — вот, по-моему, то, чего надлежит достигать человеку, достижение чего составляет смысл жизни и, соответственно, я способен и согласен понимать и историческую жизнь человека и человечества лишь как посильное выявление и утверждение ими добра в атмосфере борьбы свободы с необходимостью, насилием, эгоизмом и произволом. Я, стало быть, решительно отвергаю материалистическое или узко-экономическое понимание и жизни, и истории. С моей точки зрения, материя (экономика), как таковая, не имеет и не может иметь значения фактора в истинно-человеческой жизни и истории: это — только та внешняя среда или та почва, в которой и на которой они разыгрываются: не больше! Играть там действительную роль материя может лишь в том случае, если одухотворяется, осмысливается идеями. Рычаги, факторы и мотивы жизни и истории — все до единого духовно-идеального порядка; самый труд является в жизни и истории человеческой могущественным фактором лишь постольку, поскольку он одухотворяется там, оплодотворяется и осмысливается великими идеями свободы и добра и действует у них в полнейшем подчинении.

Отсюда следует, в-третьих, что я совершенно не приемлю концепции и метода так называемой «борьбы классов». Это ведь только несколько улучшенное и потенцированное переиздание узко-эгоистического и индивидуалистического материализма.

Конечно, экономический эгоизм класса лучше и духовнее материалистического эгоизма отдельного индивидуума; конечно, эгоизм огромного класса пролетариев, объединяющих в себе всех угнетенных работников, лучше и духовнее эгоизма малочисленного класса капиталистических угнетателей, но, глядя в корень вещей и копая до самой глубины человеческой жизни, и классовая борьба пролетариата за свои экономические и социальные интересы и права есть, все-таки, в конце концов, борьба по-прежнему эгоистическая и потому не настоящая, не безусловная борьба за свободу человека. И революция, ею производимая, есть не настоящая и не безусловная революция, или, вернее, то выражение и направление, которое она сообщает революции, недостаточно революционно. Настоящая революция должна быть и только и может быть, прежде всего, и по преимуществу, революцией внутренней, духовной, нравственной, революцией в сознании и душе человека и человечества; революцией, в равной мере направленной на свободу и нравственное самоутверждение каждого человека и человечества без исключений; преобразованием их из игры материалистических интересов и арены эгоистического насилия и произвола в среду утверждения всецелой свободы и подлинного добра. Нравственный переворот, духовное перерождение — это главное; остальное прилагается само собою, как следствие; и — увы! — не наоборот. И что это именно так, нагляднее всего показывает сейчас наша русская социально-политическая и общекультурная действительность: русская революция в ее целом является громадным, великим сдвигом по направлению к завоеванию и утверждению истинной свободы и справедливости, но она с самого же начала искажена была и остается материалистически-эгоистической схемой ее внешнего ведения и положения. Ее величайшее социально-политическое и культурно-духовное содержание унижено, сплющено, окуржжено и загажено эгоистически-насильственным методом ее осуществления. Победив безусловно для будущего, она обнаруживает в настоящем все признаки смерти, все симптомы реакции.

Дух человеческий, дух добра и свободы, рванувшись ввысь и потянув туда все и вся за собою, снова оказался стиснут и сперт в прокрустовом ложе эгоистического материализма. И ясно, что в таком случае долг всякого истинного поборника свободы и духа, всякого подлинного и искреннего революционера состоит сейчас в том, чтобы снять с достигнутого так безжалостно облепившую его и уродующую материалистически-эгоистическую оболочку и дать вывиться ему во всей своей подлинной революционности и во всей своей нравственно-идеалистической красе.

В-четвертых, я всегда практически становлюсь на сторону тех общественных и личных тенденций, которые заключают в себе, в каждый данный момент и при данных конкретных условиях, макси-

мум здравого и практически осуществимого революционного идеализма. Я такой же противник доктринерской крайности влево, как и реакционной рутинности справа. Я знаю хорошо, что добро конкретно и практически рождается и живет во зле, а свобода осуществляется и укрепляется в атмосфере насилия и произвола, и потому я считаю наиболее революционным и идеалистическим требовать в каждый данный момент осуществления только такой свободы и справедливости, которые практически и технически осуществимы в данных конкретных условиях, памятуя, что доктринерское насильственное осуществление даже самых возвышенных и благих намерений не только совершенно призрачно, не только не достигает своей цели, но отбрасывает человечество назад и отнимает даже те формы свободы и добра, какими оно обладало в тот момент, когда над ним был произведен произвольный опыт. Я сторонник в конкретной жизни, так сказать, метода среднего или теоретически-минимального и практически-максимального идеал-революционизма.

И следуя этому моему мироощущению и миропониманию, я, естественно, был на протяжении всего периода «великой войны» решительным поборником Четверного Соглашения. Центральные державы являлись в моих глазах оплотом европейской реакции, а возможная их победа — угрозой самому существованию европейского демократизма, европейской свободы. Разумеется, от моих взоров не укрывались многочисленные, и даже слишком многочисленные, реакционно-материалистические тенденции, проникавшие собой западноевропейские демократии (не говоря уже о царской России), и я, конечно, хорошо понимал, что происходившая борьба в немалой степени была борьбою противоположных эгоистических интересов самого низменного, утилитаристического, наживного порядка. Но, при всем том, для меня оставалось несомненным, что, по воле судеб, борясь за свои наживные интересы, Четверное Соглашение боролось в то же время и за величайшие идеи человечества, за свободу и справедливость. Конечно, такое совпадение было совершенно случайно и, при других обстоятельствах или в другую эпоху оно могло бы принять (да и принимало) совсем другие и даже противоположные формы, но от этого самый факт именно такого совпадения в данном случае не переставал быть фактом. Четверное Соглашение, достаточно реакционное у себя дома, боролось за свободу против абсолютно реакционной в тот момент и вовнутрь и вовне Пан-Германии. Правда, во имя истинной свободы и справедливости можно было бы занять спокойно нейтральную позицию, одинаково сторонясь обоих эгоистических соперников. Это можно было сделать либо, так сказать, совершенно умывая руки по отношению к данному периоду жизни человечества, что, по-моему, было бы просто античеловечно и означало бы сухо-формалистическую заботу о высоких идеалах, сочетаемую с

самым грубым материальным эгоистическим эгоизмом. Либо последовать за Циммервальдом и, во имя достижения свободы и справедливости, направить против «великой войны», в лице обоих соперничающих и бьющихся крыльев, струю социально-политической революции, что, по-моему, благодаря обстоятельствам тогдашнего момента, могло фактически легко оказаться прямой помощью Германии, и чем во всяком случае до неимоверности усложнялась и запутывалась и без того уже сложная и запутанная ситуация, ибо к конфликту между буржуазно-демократическими и буржуазно-реакционными интересами присоединился бы таким образом еще общий конфликт между интересами вообще буржуазными и пролетарскими, конкретно выразившийся в столкновении между войной и революцией. Между тем, я полагал, что столкновение между войной и революцией ни к чему доброму ни для той, ни для другой стороны повести не могло бы. Я боялся, что не координированная, обособившаяся и разыгравшаяся вовсю революция обессилит настолько Согласие фактическим военным выпадением России, что ему придется сложить оружие или, по меньшей мере, примириться с пангерманистской диктатурой в середине Европы (которая затем не преминула бы ликвидировать и русскую революцию и вообще сдвинуть социально-политическое состояние Европы значительно вправо). Но если бы даже этого и не произошло, и Согласие и при таких условиях одержало бы верх над Германией, все равно, по моему глубокому убеждению, отрыв русской революции от противогерманской борьбы и сосредоточие ее на себе самой и на социальном самоуглублении, могло только и только отразиться на победоносной Западной Европе забвением демократических лозунгов союзнической борьбы с Германией и расцветом материально-наживных интересов. Думая так, я руководствовался, конечно, не марксистским пониманием истории, а главным образом психологией человека и человечества, как в настоящую эпоху, так и на всем протяжении истории; и дальнейшие события показали красноречиво, как я был прав. Русская революция, действительно, погубила войну как прогрессивный и идеалистический фактор. Вместо осуществления возвышенных демократических лозунгов, она, найдя свое внешнеполитическое завершение в Брест-Литовском мире, сделала возможным, как его логическое следствие, Версальский мир. Ибо при виде того, как самые крайние идеалисты (русские революционеры) втаптывают в грязь всяческий социальный и политический идеализм, западноевропейские представители наживы и капитала, конечно, без церемоний распоясались... Но не только революция погубила войну, а и война погубила, в свою очередь, революцию. Прежде всего она потребовала от революции громадной затраты ее собственных сил, которые могли бы, при других обстоятельствах, быть затрачены на организацию самой революции и разрешение ее главнейших задач;

во-вторых, она послужила чрезвычайно благоприятной почвой для острого взаимостолкновения двух основных крыльев революционного движения: правого и левого, в форме конфликта между оборончеством и пацифизмом, а, следовательно, и для внутреннего разложения революции, которое вскоре же позволило вновь возродиться войне, выродившейся, таким образом, из внешней борьбы в гражданскую. Революция захлебнулась в войне и, в конце концов, была вынуждена отказаться почти от всех лозунгов, с которыми выступила против нее: сначала она вынуждена была склониться униженно и опозориться перед германским империалистическим кулаком, уступив ему беспрекословно громадные русские территории; она должна была затем втянуть вновь русский народ в самую изнурительную гражданскую бойню, установить самый насильственный и антидемократический способ управления страной и, наконец, в завершение всего, на развалинах бывшей России она вынуждена была заняться постепенным восстановлением старого государственного капитализма, после того как своими эксцессами, неудачами и преступлениями толкнула Западную Европу решительно на путь реакции (что с такой наглядностью демонстрируется, скажем, примером Италии). Предвидя все это, я был во время войны, в-пятых, противником немедленной революции в России.

Я нарочно пространно остановился на тех моих отчасти философских, отчасти жизненных, отчасти общественно-политических взглядах и убеждениях, которые безусловно субъективизируют мое изложение хода великой русской революции. Мне хочется теперь сказать два слова о тех, так сказать, технически-объективистических элементах, которые до некоторой степени уравнивают такой субъективизм. А именно, я, во-первых, не был ни непосредственным участником, ни непосредственным свидетелем революции; я участвовал в ней здесь за границей: наблюдал и изучал ее из-за границы, из Италии. Я считаю, что это *большой плюс*, ибо это дает мне до известной степени историческую перспективу, заменяя собою те 25, или 50, или 100 лет, которые, по мнению некоторых патентованных и слишком академических историков, необходимо должны протечь прежде, чем следует приступить к историческому изображению событий. Впрочем, сам я отнюдь не разделяю такой точки зрения: ведь понадобилось, чтобы прошло более ста лет с тех пор, как Дантон³ сложил на гильотине свою буйную голову для того, чтобы установить, наконец, устами и трудами А. Матье⁴ его настоящую роль в тогдашних событиях и его подлинный, далеко не идеалистический революционно, облик, между тем как в течение этих ста лет истории великой французской революции преспокойно писались при совершенно ином о нем представлении (чему блестящий пример Олар⁵).

Разумеется, неточности найдутся и у современных историков великой русской революции и, в частности, и у меня — и, конечно, в

немалом количестве, но это меня нисколько не смущает: с течением времени они будут исправлены либо другими, либо мной самим: сейчас же важно дать целостную картину, построенную в исторической перспективе и на основании ныне представляющихся точными данных. При всем том, дерзаю надеяться, что такой огромной и фундаментальной неточности, какую, как оказывается, страдали почти все истории великой французской революции относительно Дантона на протяжении XIX столетия, в моей истории, все же, не найдется.

Вторым существенным залогом моего «объективизма» является моя непринадлежность ни к какой партии. Таким образом, надо мной не довлеет никакой партийной программы или схемы, и во мне не могут говорить ни искреннее увлечение, ни официальная лживость и надменность победителей, ни чистосердечное негодование или злоба и зависть побежденных. Мне не в чем оправдываться ни перед самим собою, ни перед другими, и некого и не в чем обвинять. И в проведении такого отношения к делу мне помогает, как нельзя более, моя привычка к научной работе, приобретенная мною в течение двадцати лет занятий философией и являющаяся третьим важным «объективистическим» элементом в этом историческом трактовании. Я чужд вообще публицистики, лишенной научной подготовки, и надеюсь, что избег ее и тут, поскольку публицистика вообще входит неотъемлемой частью во всякую идейную (не только хронологическую) историю.

Как и при разработке первого выпуска, так точно и в данном случае, мною был использован обширный газетный, журнальный и книжный материал (не только русский, но и иностранный), который когда-нибудь, надеюсь, мне представится случай использовать более исчерпывающим образом. Среди книг, оказавшихся мне полезными, хочу указать сейчас на нижеследующие: N. Roubakine. *Qu'est-ce que la révolution russe?* (Geneve – Paris, 1917); V. Victoroff-Toporoff. *La première année de la révolution russe. Mars 1917 – mars 1918* (Paris – Zurich, 1919); A. J. Sack. *The Birth of the Russian Democracy* (New York City, 1918); E. H. Wilcox. *Russia's Ruin* (London, 1919); И. Штейнберг. От февраля по октябрь 1917 г. (Берлин, 1921); А. Керенский. *Дело Корнилова* (Москва, 1918); К. Оберучев. *В дни революции* (Нью-Йорк, 1919); В. Kritchevski. *Vers la catastrophe russe* (Paris, 1919); В. Б. Станкевич. *Воспоминания 1914 – 1919 гг.* (Берлин, 1920); В. Винниченко. *Відродження нації* (3 т. Видень, 1920); П. Христюк. *Замітки і матеріали по історії української революції* (2 т. Видень, 1921).

Особенно важной, прямо таки фундаментальной для всякого историка великой русской революции является, по-моему, вышеуказанная книжка Керенского, в которой, несмотря на ее совершенно бессистемный, разбросанный характер, выступают явственно все основные факторы революционного процесса в его наиболее критическом и решительном периоде и дается в общем правильная их интерпретация.

Этого моего взгляда на книжку Керенского я не изменил и после ознакомления с обширными сочинениями (прочитанными мною, — увы! — лишь после написания настоящего выпуска¹: П.Н. Милюкова «История второй русской революции» (2 ч. София, 1921 — 1922); ген. Деникина А. «Очерки русской смуты» (2 ч. Париж, 1921); Н. Суханова «Записки о революции»² (2 т. Берлин, 1922)³; ибо каждая из них, против воли ее автора по своему доказывает справедливость картины, раскрывающейся из книжки (Керенского); и все вместе, взаимно нейтрализуя свои крайности, возрождают невольно то же самое представление. Такой результат не так-то странен по отношению к труду Милюкова, в котором ученый историк, если и не всегда преодолевает партийного политика, то все же постоянно находится с ним в борьбе и тем разоблачает правильную точку зрения; не так он странен и по отношению к сочинению ген. Деникина, которого присущие ему простодушие солдата и политико-публицистическая неопытность выдают [с] головой. Зато он тем неожиданнее в отношении к публицистически-историческому труду Суханова (который, кстати сказать, является едва ли не самым жизненным, ценным, интересным и талантливым из всего того, что пока вообще написано было о великой русской революции). Тем не менее, это так: записки Суханова как нельзя более подтвердили мне правоту моего убеждения в том, что, губя войну, революция погубила и самое себя; и что все то нравственное и социально-политическое фиаско, какое пришлось пережить нам всем за 1917 — 1922 годы и которое мы продолжаем изживать и сейчас еще, гнездится, в первую голову, в изначальных циммервальдийских формулах-лозунгах.

Рим, июль 1922

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яковенко цитирует труд итальянского философа Бенедетто Кроче (Croce, 1866 — 1952) «Философия духа» («Filosofia dello spirito»), 1-й том под названием «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» («Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale», 1902; рус. пер.: Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I. Теория. — М., 1920).

² Яковенко имеет в виду выражение немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте (Fichte, 1762 — 1814) из его книги «Первое введение в наукоучение»: «Какую кто философию выберет, зависит поэтому от того, какой кто человек: ибо

---

* Что позволило мне их использовать в гораздо меньшей мере, чем хотелось бы (прим. Б.В. Яковенко).

³ Которые мне посчастливилось прочитать (и большое спасибо за это автору) в корректурах (прим. Б.В. Яковенко).

⁴ Не говоря уже о воспоминаниях ген. Лукомского, напечатанных в «Архиве русской революции» (кн. II и V. Берлин, 1921 — 1922) (прим. Б.В. Яковенко).

философская система – не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию, она одушевлена душой человека, обладающего ею» (*Фихте Г.* Избр. соч. Т. 1. – М., 1916. С. 424).

³ *Дантон* (Danton) Жорж Жак (1759 – 1794), французский революционный деятель, один из основателей Первой французской республики, первый председатель Комитета общественного спасения. После усиления власти М. Робеспьера и якобинцев 31 марта 1794 г. он был арестован, 5 апреля казнен.

⁴ *Матъез* (Mathiez) Альбер (1874 – 1932), французский историк, профессор Сорбонны (с 1926). Автор многочисленных работ по истории Французской революции, в том числе книг «Вокруг Робеспьера» («Autour de Robespierre», 1926) и «Вокруг Дантона» («Autour de Danton», 1926), в которых выступал против идеализации Дантона и пытался реабилитировать Робеспьера. На русский язык были переведены его труды: Французская революция. Т. 1 – 3; – М.; Л., 1925 – 1930. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. – М.; Л., 1928; Термидорианская реакция. – М.; Л., 1931.

⁵ *Олар* (Aulard) Франсуа Виктор Альфонс (1849 – 1928), французский историк, специалист по истории Французской революции, в 1886 – 1922 гг. возглавлял кафедру истории Французской революции в Сорбонне. Главный его труд – «Политическая история Французской революции» («Histoire politique de la Révolution française», 1901).

*Подготовка текста А.М. Шитова
Примечания О.Т. Ермишина*

Аннотация

Впервые публикуется часть «Истории великой русской революции» Б.В. Яковенко – два предисловия, в которых автор объясняет свою позицию по отношению к революции 1917 г., личный и философский подход к исследуемому материалу. Во вступительной статье А.М. Шитова рассмотрены политические взгляды Б.В. Яковенко, освещены обстоятельства написания труда «История великой русской революции» и неудачные попытки, предпринятые автором для издания рукописи.

Ключевые слова: революция, политика, русская история, историческая наука, интуиция, рационализм, свобода, культура.

Summary

This is the first publication of parts from B. Yakovenko's «History of the Great Russian Revolution», two prefaces, where the author explains his position on the revolution of 1917 and his personal and philosophical approach to the subject in question. The introductory article by A. Shitov explores the political views of B. Yakovenko, sheds light on the circumstances, in which «History of the Great Russian Revolution» was written, and failed attempts made by the author to publish its manuscript.

Keywords: revolution, politics, Russian history, historical science, intuition, rationalism, freedom, culture.